

РЕЙС

Денис Северов

РЕЙС

<https://litres.ru/74598094>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Академик Вернадский" молчит две недели. Спасательный буксир "Гелиос" идет за данными. Врач-эпидемиолог Кира Восс идёт за ответом.

Содержание

Протокол	4
Экипаж	6
Контракт	8
Подлёт	10
Стыковка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Денис Северов

РЕЙС

Протокол

Меня зовут Кира Восс. Я врач-эпидемиолог. Я говорю это вслух каждый раз, когда просыпаюсь, потому что боюсь однажды забыть.

Это не суеверие. Это протокол. Люди, которые работают с биологическими образцами класса «Европа», обязаны вслух подтверждать свою идентичность при пробуждении. Считается, что если ты можешь произнести своё имя, звание и должность, значит, твой мозг ещё принадлежит тебе. Проверка занимает четыре секунды. Я делаю её уже одиннадцать лет.

Я делаю её каждое утро. Просыпаюсь. Смотрю на потолок. Говорю:

— Кира Восс. Врач-эпидемиолог. Первый класс.

Потом встаю и иду чистить зубы.

Отец говорил, что это глупость. Он работал на «Вектор» двадцать лет, и за двадцать лет ни разу не произнёс своё имя вслух при пробуждении. Он говорил: «Кира, если ты не можешь отличить себя от других, никакая мантра тебе не поможет». Он умер в пятьдесят два от инфаркта. Сидел за столом,

пил кофе, читал отчёт. Сердце остановилось. Врачи сказали: стресс. Я сказала: «Вектор». Они сказали: «Возможно». Больше ничего не сказали.

Я не доверяю корпорациям. Я доверяю только анализам. Анализы не врут. Анализы не скрывают данные. Анализы не подписывают контракты, которые стоят жизни.

Поэтому, когда Данил Роск, капитан «Гелиоса», собрал нас в кают-компании и сказал, что «Вектор» предлагает втрое больше обычного за перехват исследовательского судна, я почувствовала, как что-то сжалось в груди. Я не поверила. Я редко верю. Но у меня были свои причины согласиться.

Мой кредит за медицинское образование — сто двадцать тысяч. Мой кредит за квартиру на станции «Церера» — восемьдесят. Мой отец оставил мне долг в тридцать тысяч, о котором я узнала только после его смерти. Итого двести тридцать тысяч. За один рейс «Вектор» предлагал двести. Я согласилась. И я не горжусь этим.

Экипаж

Нас было шестеро.

Данил Роск, капитан. Пятьдесят лет. Устал. Не в том смысле, что хочет спать. Устал так, как устают люди, которые тридцать лет ходят в рейсы и каждый раз обещают себе, что это последний. У него была жена на Марсе и дочь на Луне. Он не видел их четыре года. Он говорил: «Ещё один рейс, и я закрываю кредит, и ухожу». Он говорил это каждый раз, когда я его видела.

Майя Сингх, пилот. Двадцать восемь. Циничная. Быстрая. Она водила корабли с восемнадцати лет и ненавидела, когда ей говорили, что делать. Она говорила: «Космос — это не место. Это способ убежать от места». Я не спрашивала, от чего она убегает. Она не спрашивала, от чего убегаю я. Мы понимали друг друга без слов.

Олег Терентьев, инженер. Сорок лет. Молчаливый. Надёжный. Он говорил не больше двадцати слов в день, но каждое слово было по делу. Он знал «Гелиос» лучше, чем конструкторы, которые его строили. Он мог по звуку двигателя определить, какая прокладка изнасилась. Он был женат на своей работе. Его жена, настоящая, жила на Земле и писала ему письма каждую неделю. Он не отвечал. Я не знаю почему.

Артур Кейн, биолог от «Вектора». Сорок пять. Он присо-

единился к нам за день до вылета. Он не проходил собеседование. Он не сдавал экзамены. Он просто пришёл с чемоданом и сказал: «Я лечу с вами». Капитан сказал: «Хорошо». Я спросила: «Почему?» Капитан сказал: «Потому что за него заплатили отдельно». Я не доверяла Артуру с первого взгляда. Он слишком много знал и слишком мало говорил.

Лукас Вэйл, связист. Двадцать два. Первый дальний рейс. Он был из тех людей, которые улыбаются, когда нервничают. Он улыбался почти постоянно. Он говорил: «Кира, ты всегда такая серьёзная?» Я говорила: «Да. Всегда». Он смеялся. Я не смеялась. Я знала, что люди, которые слишком много улыбаются, обычно что-то скрывают. Лукас ничего не скрывал. Он просто боялся. Это было видно.

Я, Кира Восс. Тридцать четыре. Врач-эпидемиолог. Я должна была следить за тем, чтобы никто не привёз на борт заразу. Я должна была проверять образцы, анализы, воздух, воду. Я должна была быть параноиком. Я была параноиком. Это меня и спасло. На какое-то время.

Контракт

Мы вылетели с Цереры в 06:40 по стандартному времени. Курс — Юпитер, орбита Европы. Расчётное время в пути — одиннадцать суток. Обратно — ещё одиннадцать. Плюс стыковка, плюс буксировка. Итого — около месяца.

В первый день всё было нормально. Мы проверяли системы, ели, спали. Майя ругалась на навигационный компьютер. Олег молчал. Лукас улыбался. Артур сидел в своей каюте и читал что-то на планшете. Капитан смотрел в иллюминатор и думал о своей дочери.

На второй день капитан собрал нас и сказал:

— Ребята. Там что-то есть. Нам не говорят, что. Нам сказали: не открывать грузовые отсеки, не читать логи и не задавать вопросов. Я задал. Мне сказали, что за вопросы снимают с контракта. Я хочу закрыть кредит и уйти на пенсию. Поэтому вопросов больше не будет.

Майя сказала:

— А если там что-то опасное?

Капитан сказал:

— Тогда мы не будем это трогать.

Я сказала:

— Капитан, я врач. Если там что-то опасное, я должна знать.

Капитан посмотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Кира, ты получишь свои деньги. Все получают. Просто делайте свою работу и не лезьте туда, куда не просят.

Я не стала спорить. Я запомнила.

На третий день я проверила запасы. Медикаменты, антибиотики, противовирусные, вакцины. Всё в норме. Я проверила систему фильтрации воздуха. Всё в норме. Я проверила воду. Всё в норме. Я проверила продукты. Всё в норме.

Я проверила себя. Температура тридцать шесть и шесть. Пульс шестьдесят два. Давление сто двадцать на восемьдесят. Всё в норме.

Я записала это в журнал. Я всегда записываю. Это привычка. Это протокол. Это то, что отличает врача от пассажира.

Подлёт

На четвёртые сутки мы вышли на орбиту Европы.

Европа — это луна. Один из четырёх галилеевых спутников Юпитера. Ледяная, гладкая, покрытая трещинами. Под её корой — океан. Жидкая вода. Солёная. Возможно, живая.

«Вектор» бурил Европу десять лет. Официально — поиск ресурсов. Неофициально — поиск жизни. Они нашли. Я не знала, что они нашли, но я знала, что нашли что-то. Потому что за десять лет они пробурили двенадцать скважин, и одиннадцать из них были закрыты. Двенадцатая — нет. Двенадцатая была активна. И именно к двенадцатой был приписан «Академик Вернадский».

Я читала отчёты. Они были засекречены, но я умею читать между строк. Я знала, что в образцах, поднятых с глубины три километра, была обнаружена органика. Не бактерии. Не археи. Что-то другое. Что-то, что не вписывалось в известные таксономические группы.

Я спросила Артура:

— Что там было? В образцах?

Он посмотрел на меня. Помолчал. Сказал:

— Ничего важного.

Я не поверила. Я запомнила.

Стыковка

«Вернадский» висел на орбите Европы, чуть повёрнутый левым бортом. Он был большой — исследовательское судно, три палубы, лаборатории, жилые модули, буровая установка. Он должен был светиться огнями. Он не светился.

Майя сказала:

— Он выглядит нормально.

Я сказала:

— Он выглядит слишком нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.